

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ FOREIGN PHILOLOGY

УДК 821.133.1–313.2
ББК 83.3 (4Фра)5–8

Маргарита Викторовна Дубинская,
старший преподаватель,
Институт иностранных языков
Петрозаводского государственного университета
(185035, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкина, 17),
e-mail: france@petsu.ru

Жанр волшебной сказки в композиции романа Алена-Фурнье «Большой Мольн»: интерпретация поэтики «иномирия»

Проблема влияний структуры и системы персонажей жанра волшебной сказки на поэтику романа достаточно хорошо изучена В. В. Ивановым на материале русской литературы. В данной статье объектом исследовательского внимания становится французская литература, а влияние поэтики волшебной сказки впервые изучается на материале романа Алена-Фурнье «Большой Мольн» (1914). В ходе исследования выявляется сходство ряда элементов семичастной структуры волшебной сказки с элементами композиции романа Алена-Фурнье. Устанавливается сходство функций сказочных персонажей с поступками героев романа. В статье анализируются также те отличия романа и сказки, которые обусловлены авторской волей и реальностью начала XX века, отображаемой романным повествованием. Делается вывод о творческом характере восприятия писателем влияний поэтики жанра волшебной сказки; указывается на опосредованный характер влияний фольклора через другие жанры. Приводится пример сюжетного совпадения рыцарского романа «Персеваль, или Сказание о Граале» с романом Алена-Фурнье. Поскольку жанр рыцарского романа образовался под влиянием волшебной сказки, то влияние рыцарского романа на роман Алена-Фурнье является опосредованным влиянием волшебной сказки. Выявлены романские соответствия всем семи персонажам волшебной сказки в образах героев романа: учителя Сёреля, Огюстена Мольна, Франца де Гале, цыгана Ганаша, Франсуа Сёреля, Ивонны де Гале. За романное соответствие «ложному герою» принимается психологическое состояние Мольна. Описано соответствие завязке действия в романе «начальной ситуации» волшебной сказки, соответствие эпизодов и карнавальная атмосфера праздника в замке Саблоньер иномирию сказки.

Ключевые слова: функция персонажа волшебной сказки, романное соответствие персонажу волшебной сказки, романное соответствие функции персонажа волшебной сказки, романное (композиционное) соответствие структуре волшебной сказки, романное соответствие семиперсонажной схеме волшебной сказки.

Margarita Viktorovna Dubinskaya,
Senior Teacher, The Foring Languages Institute,
Petrozavodsk State University
(17 Pushkin St., Petrozavodsk, Russia, 185035),
e-mail: france@petsu.ru

The Genre of Fairy-Tale in the Composition of Alain-Fournier's Novel “The Big Meaulnes”: the Interpretation of the Poetics of “Another World”

This article reveals the problem of influence of the structure and character's system of the fairy-tale on novel's poetics. This problem is quite well studied on the materials of the Russian literature by V. V. Ivanov. In article the problem of above-mentioned influence on the French literature is revealed. For the first time the influence of the fairy-tale's poetics on Alain-Fournier's novel “The Big Meaulnes” (1914) is studied. The author reveals the resemblance of many elements of the seven-particle structure of fairy-tale with elements of the composition of Alain-Fournier's novel. The author also indicates the resemblance of the functions of fairy-tale's characters and the actions of characters of the novel “The

Big Meaulnes". This article analyses the difference of the genres of novel and fairy-tale, caused by author's will and by the novel's reality of the beginning of the XX century. The author makes the conclusion about the author's free perception of fairy-tale's poetics, and indicates the folklore mediated influence on the novel "The Big Meaulnes" through the others genres. For example, the genre of chivalrous novel is formed with the influence of the fairy-tale and the influence of the fairy-tale on the Alain-Fournier's novel is mediated and goes through the chivalrous novel. The author reveals the accordance of novel characters: the teacher Seurel, Augustin Meaulnes, Franz de Galais, Gipsy Ganach, François Seurel and Ivonne de Galais with six characters of the fairy-tale. The psychological state of Big Meaulnes is taken for the seventh character of the fairy-tale, named "false hero". The author describes the accordance of the beginning of the novel "The Big Meaulnes" and "the beginning situation" of the fairy-tale, and the accordance of some episodes and carnival atmosphere of holiday in Sablonier castle and the "another word" of the fairy-tale.

Keywords: function of the personage of fairy-tale, novel accordance to the personage of fairy-tale, novel accordance to the function of the personage of fairy-tale, novel (compositional) accordance to the structure of the fairy-tale, novel accordance of the seven-character structure of the fairy-tale.

В статье впервые изучается проблематика влияний поэтики жанра народной волшебной сказки на роман одного из французских писателей-модернистов Алена-Фурнье, принадлежавшего к кругу авторов журнала «Новое французское обозрение» (NRF), испытавших влияние творчества Ф. М. Достоевского. На материале русской литературы первым подробным и плодотворным опытом изучения влияний жанра волшебной сказки на жанр романа стало монографическое исследование В. В. Иванова [4, с. 21–44], развившего теорию жанра волшебной сказки В. Я. Проппа. В своём анализе романа Алена-Фурнье мы опираемся на теорию В. Я. Проппа, используя также принципы исследования и терминологию Иванова применительно к нашему материалу.

Описание благополучной жизни учительской семьи в школе деревни Сент-Агат в начале повествования является «романным (композиционным) соответствием начальной ситуации волшебной сказки» [4, с. 22] с её покоем и благоденствием. Подобно тому, как равновесие сказочной жизни исчезает с нарушением запрета, так в романе «Большой Мольн» равномерное течение деревенской и школьной жизни взбудоражено исчезновением одного из учеников, нарушившего запрет учителя. Незадолго до Рождества старший учитель господин Сёрель поручает одному из учеников встретить и привезти с вокзала родителей своей жены. Недавно переведённый в школу семнадцатилетний Огюстен Мольн, любитель приключений, прозванный Большим Мольном, вызывается съездить на вокзал. Но учитель отказывает ему и для миссии встречи гостей избира-

ет местного ученика, поскольку тот лучше знает окрестности. Мольн ослушивается учителя, что является романным композиционным соответствием функции волшебной сказки, «нарушением запрета» (термин В. Я. Проппа), и едет на вокзал самовольно, под благовидным предлогом выпросив у местного фермера лошадь и повозку. В этом эпизоде мы видим композиционное соответствие сказочной функции «герой-искатель отправляется в путь» (Пропп).

Завязка действия в романе подчинена композиционному закону волшебной сказки, согласно которому, по Проппу, четыре персонажа из семи: «отправитель, герой, ложный герой, а также и царевна включаются в начальную ситуацию» [6, с. 69]. «Романными соответствиями персонажам волшебной сказки» [4, с. 21] являются: учитель Сёрель и фермер соответствуют функции отправителя, главный герой романа Мольн – функции героя-искателя, функции «ложный герой» (Пропп) соответствует психологическое состояние смятенности духа главного героя, препятствующее его жажде духовного поиска, оформленного как стремление к нахождению своей «царевны-невесты» (Пропп). И это препятствие он преодолевает на протяжении всего повествования. Это психологическое состояние проявляется также в почти состоявшейся попытке Мольна жениться на невесте Франца де Гале Валентине. Узнав, что незнакомая и понравившаяся ему девушка – невеста Франца, Мольн с негодованием отвергает этот вариант устройства своей судьбы. Так, в превращённом виде функция ложного героя воплощается в ложной направленности духовного поиска главного героя.

Что касается невесты-царевны, то её соответствие в романе – сестра Франца Ивонна де Гале, в силу композиционных особенностей поэтики литературного произведения находится в пределах начальной ситуации как некий таинственный образ. Мольн впервые видит Ивонну ещё в детских снах, задолго до встречи с ней в замке Саблоньер. Во сне она предстаёт в образе феи, живущей в сказочном замке, и эти видения, мы полагаем, можно считать композиционными соответствиями образа сказочной невесты, встреченной героем ещё в начальной ситуации. А, во-вторых, реальная встреча Мольна с Ивонной по времени располагается очень близко от завершения начальной ситуации повествования: во время поездки Мольн вспоминает свои сонные видения девушки-феи. Композиция романа в целом соответствует одному из распространённых вариантов сказочной фабулы, согласно которому герой встречает невесту, потом утрачивает её, после чего долго странствует, проходит ряд испытаний, прежде чем окончательно обретёт свою единственную. Такова, например, фабула русской волшебной сказки «Царевна-лягушка». Французский фольклор кроме аналогичной сказки «Жених-жаба» [7, с. 165–172] предлагает нашему вниманию волшебную сказку «Король-ворон» [7, с. 271–279] и её вариант «Невеста ворона» [2, с. 201–203].

В соответствии с логикой развития фабулы волшебной сказки вследствие нарушения запрета с героем случается беда или возникает недостача. Сидя в повозке, Мольн засыпает, в результате морозной декабрьской ночью он заблудился в пустынной и незнакомой ему местности. Проснувшись, он обнаруживает, что лошадь захромала. Пытаясь помочь животному, Мольн сам ранит колено и тоже начинает хромать – «романное соответствие функции персонажа волшебной сказки» [4, с. 21] «беда, или недостача» (Пропп).

Что означает эта двойная хромота путника и его лошади в контексте развития действия в логике волшебной сказки? На связь с фольклором творчества Ф. М. Достоевского указал Д. С. Лихачёв: «Поэтика Достоевского и её динамическое развитие связано с художественным миром русской сказки» [5, с. 79]. В поэтике «пути» Достоевского «ритм выстраивается по ощущению смятенного духа» [3, с. 394]. У Алена-Фур-

нье, который во время создания своего романа находился под влиянием творчества Ф. М. Достоевского, а факт этого влияния отражает его переписка [9, с. 14], ритм пути передаётся через ритм шагов. В небольшом по объёму романе сорок пять раз упоминаются особенности походки и ритм шагов различных персонажей, что служит их дополнительной психологической характеристикой. Например, «в то время как шустрые школьники носились по улочкам Сент-Агат», друг Мольна Франсуа Сёреэль «жалко подпрыгивал за ними на одной ноге» [8, с. 29]. Одноклассник Мольна и Франсуа Сёреэля, Жасмен Делуш, ходит, волоча ноги: «Его ноги тащились по плитам пола; башмаки, подбитые гвоздями, визжали» [8, с. 50]. Огюстен Мольн «глубокой ночью, долгими часами лихорадочно мерил шагами покинутые чердаки, погружённый в размышления» [8, с. 54]. По ощущениям Франсуа Сёреэля, во время его последней встречи с Ивонной незадолго до её смерти в облике этой женщины появляются черты бестелесности, передаваемой через лёгкий шорох шагов: «Её туфли производили лишь лёгкий шорох по песку; я принял её шаги за звук дождевых капель» [8, с. 237].

Когда ритм движения персонажа нарушается, как в случае с возникшей хромотой Мольна и его лошади, мы полагаем, что это может служить знаком вступления героя в иномирие: сказочный мир с иными законами бытия. Лошадь в этом случае не заблудилась (логика реальности), а доставила героя на границу иного мира (логика волшебной сказки). В реальности Большой Мольн оказывается на границе поместья Саблоньер, где в ветхой лачуге живёт старая крестьянка, образ которой является романским соответствием сказочного персонажа Бабы Яги. Функция сказочной Яги заключается в испытании героя-искателя, после которого герой отправляется в тридевятое царство. В романе молодой человек расспрашивает старушку о дороге, соблюдая определённые правила беседы, напоминающие правило волшебной сказки, согласно которому герой должен «стать своим миру сказки»: «Он знал, что с крестьянами, особенно живущими на отдалённых фермах, нужно говорить очень скромно и дипломатично, а главное, никогда не показывать, что ты не местный» [8, с. 62–63]. Первоначальное испытание Ягой героя заключается в том, что

он должен вкусить её пищи, что делает его своим миру сказки. Поначалу и у Мольна всё пошло как нельзя лучше: старушка накормила путника и предложила ночлег.

Но далее сказочно-фантастический колорит повествования усиливается: Мольн выходит из хижины, чтобы завести лошадь с улицы во двор, но лошади на месте не оказалось. После бесплодных поисков лошади герой замечает, что он не в силах обнаружить и ту лачугу, в которой только что общался с её обитательницей. Ему всё кажется, что он видит мерцающий вдали свет из окошка хижины приветлившей его старушки, но каждый раз, стоит направить шаги в нужную сторону, свет исчезает, чтобы снова появиться в другом месте: «Мольн, торопясь вернуться в бедную хижину, не задумываясь, пошёл по тропинке, которая, казалось, вела прямо туда. Но едва он сделал десять шагов в том направлении, как свет исчез» [8, с. 66]. Пребывая в сказочной ситуации «пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что», он оказывается вынужденным заночевать посреди поля в заброшенном пастушеском шалаше, сквозь щели потолка которого светит луна. Проснувшись рано утром от холода, он продолжает путь и вскоре попадает в незнакомый замок (романное композиционное соответствие функции персонажа сказки «герой-искатель прибывает в тридевятое царство»), в котором идёт подготовка к костюмированному балу. Сын хозяина замка Франц де Гале собирается праздновать свою помолвку с дочерью ткача Валентиной Блондо, которую выгнал из родительского дома её отец. Социальное неравенство жениха и невесты напоминает отношения Золушки и Принца.

Не имея карнавальной одежды, Мольн поначалу скрывается в нежилом крыле замка. Однако цыган Ганаш, приглашённый женихом и выполняющий на празднике функцию распределителя нарядов, каким-то образом заметил Мольна и снабдил его всем необходимым для карнавала. Действия Ганаша являются романным соответствием действиям сказочного персонажа «даритель волшебных даров», снабжающего героя-искателя, попавшего в тридевятое царство, волшебными предметами. Карнавальный наряд в данном случае имеет функцию шапки-невидимки, поскольку теперь незваный гость, оставаясь неузнанным, может свободно разгуливать по замку и принимать

участие в празднике. Здесь он встречает свою будущую невесту, Ивонну (романное соответствие герою-искомому волшебной сказки). Встреча Мольна с Ивонной соответствует функции героя-искателя «герой находит искомое».

Сама атмосфера костюмированного праздника, проходящего в стенах средневекового замка накануне Рождества, соответствует пребыванию персонажей романа в сказочном мире. Именно на эффект вмещения реальности в обстоятельства и законы романтической сказки рассчитывает организатор праздника Франц де Гале, добивающийся эффекта возникновения иномира в стенах родительского замка. Стремясь к достижению этого эффекта, он делает распорядителем цыгана Ганаша и его приятеля бродячего актёра Малойу ламповщиком, занимающимся иллюминацией замка: «Я не могу понять, как вышло, что пригласили такое отребье, как мы, чтобы прислуживать на подобном празднике!» [8, с. 74], – удивляется Ганаш. Но главное, Франц вводит необычное правило: наряду с Ганашем распорядителями праздника помолвки становятся дети, которым он передаёт права хозяев замка. Один мальчик говорит: «Разве нам не всё позволено? Нам позволено даже причинить себе вред, если нам это нравится. <...> Вы же знаете, что мы организуем праздник по своему желанию. – А если Франц вернётся сегодня вечером с невестой? – Ну, тогда он будет делать всё, что мы захотим!» [8, с. 70].

В организации праздника Франц следует собственному пониманию принципа игры, нарушающему общепринятые социальные нормы: здесь «низшие» по социальному положению или младшие по возрасту уравниваются и даже превосходят «высших» по своим праздничным ролям. Нарушение обычных условностей и уравнивание людей, надевших маски, – основной принцип организации народного карнавала. Карнавальный мезальянс жениха-дворянина и дочери крестьянина-ткача расширяется и углубляется присутствием среди знатных парижан «отребья» в лице цыгана и его приятеля, детей-распорядителей и местных пожилых крестьян в роли почётных гостей. Тем самым, Франц де Гале, установивший собственные правила поведения людей на празднике, должен быть признан романным соответствием сказочному персонажу «хо-

зьян тридевятого царства», которому подчинены все. Крестьяне говорят о том, что Франц подчинил своим прихотям даже родителей: «Господин де Гале давал праздники, чтобы развлечь своего сына, странного юношу, голова которого была полна удивительными идеями. Чтобы развлечь его, он придумывал всё, что мог» [8, с. 179].

Если дополнить описание задуманной помолвки тем, что проходит она в дни Адвента – предрождественского поста, то нарушение принятых норм достигает апогея. В эти дни во Франции не принято проводить никаких семейных праздников. Ален-Фурнье, по принципу олицетворения сил природы, свойственного фольклору, вводит даже сказочную погодную аномалию. Ещё ночью Мольн мёрз в заброшенном шалаше, но наступивший декабрьский день оказался настолько тёплым, что «можно было подумать, что стоит разгар лета» [8, с. 89]. Летний день в декабре – очевидная параллель сказочному сюжету расцветающих посреди зимы подснежников, которые Месяцы, хозяева временных циклов, дарят девушке-сироте, отправленной злой мачехой в лес с целью погубить падчерицу. Однако среди устойчивых мифологических и фольклорных представлений существуют древние запреты на духовно не обоснованные нарушения естественного хода времени. Согласно народным представлениям, ещё вполне живым во французской провинции начала XX века, в самые тёмные дни года, предшествующие Рождеству, на земле появляются существа иного мира и вредоносно вмешиваются в дела людей, появляясь среди них под масками. Поэтому-то не следует устраивать маскарадов, на которые, надев маски, приходят «добрые соседи», как по сей день называют духов французские крестьяне.

Когда Мольн подходил к замку, ещё скрытому рядами елей, он встретил группу мальчиков и девочек, наряженных в карнавальные костюмы. Эти дети были похожи на тех самых «добрых соседей», как их представляет французский фольклор. Именно из их разговора Мольн, спрятавшийся за пушистыми молодыми ёлочками, узнаёт, что вблизи находится замок, где начинается праздник помолвки. В эпизоде встречи героя с детьми, невольно подсказавшими местонахождение цели путешествия, пока ещё не известной самому путнику, мы ус-

матриваем сюжетно-композиционную параллель с эпизодом рыцарского романа «Персеваль, или Сказание о Граале», жанр которого сформировался в определённой мере под влиянием волшебной сказки. Ведь сам Артуровский цикл романов называется «сказочным». Вот встреча рыцаря Персеваля с двумя детьми на перекрестье дорог в пустынном месте: «Вдруг увидел он перед собою прекраснейшее дерево и крест на перекрёстке четырёх дорог. Рассматривая дерево, увидел он двух маленьких детей, перебежавших с ветки на ветку. Каждому из них было не более семи лет. Персеваль стал заклинать их именем Бога сказать ему, божьи ли они создания. Дети отвечали: “Прекрасный друг Персеваль, знай, что пришли мы сюда для того, чтобы видеться с тобой по воле Бога. Держись вон той дороги и знай, что как только дойдёшь ты до её конца, ты увидишь и услышишь такие вещи, что путь твой будет окончен, если только суждено тебе когда-нибудь достичь его конца”» [10, с. 761].

Словам детей, обращённым к Персевалю, точно соответствует романский сюжет «Большого Мольна» как в его реально осуществлённом виде, так и в возможном варианте развития событий. Женившись на Ивонне вскоре после первой встречи с ней, Мольн осуществил бы пророчество детей Персевалю о близком окончании его пути. В этом случае он поселился бы в замке, и это соответствовало бы финальным функциям сказочного персонажа «герой женится и воцаряется». Однако после первой встречи с будущей невестой Мольн, не сумевший запомнить дорогу к замку, сталкивается с противодействием её брата Франца, выступающего в ряде эпизодов в качестве сказочного «героя-антагониста». Так, в соответствии с другим вариантом сюжета волшебной сказки, герой пускается в долгие и трудные поиски Ивонны. Наконец, найдя её и едва женившись на ней, Мольн вновь отправляется в странствие, чтобы помочь жениться брату Ивонны на его избраннице.

Как видим, дети – персонажи рыцарского романа, будучи посланниками Бога, упоминают оба варианта сказочного сюжета, предупредив об этом Персеваля. В словах детей рыцарского романа скрыта философия той свободы выбора, которая дарована человеку Богом. От того или иного варианта её реализации зависит дальнейшее те-

чение жизни. Герой романа Алена-Фурнье осуществляет этот выбор не мгновенно, а в процессе длительного духовного поиска, начавшегося из-за первоначальной ошибки. А именно, во-первых, Мольн стесняется расспрашивать местных людей о местонахождении замка, дорогу к которому он не запомнил, уезжая оттуда ночью. Во-вторых, он поверил ложному утверждению Франца, что Ивонна уехала жить в Париж. Пущенный по ложному следу, Мольн теряет время, происходят события, которые надолго лишают его возможности попросить руки Ивонны: «Духовное единство, окружающее человека, проявляется и в тексте. Понимание текста, его анализ немыслим без внимания к духовной энергии, которая проявляется в невидимых традициях, уходящих в прошлое и ведущих в будущее» [1, с. 11]. Духовное единство Мольна и Ивонны, возникшее в замке во время первой встречи, далее разрушается эгоистическими поступками Франца, что отбрасывает встречу девушки и юноши в прошлое, отдаляя её возможность в неопределённое будущее. Так нарушения тысячелетних традиций сватовства и брака закономерным образом вытекают из всех тех нарушений традиционной народной жизни, которые столь легко допускал Франц. Однако понимание действий брата Ивонны становится глубже, когда мы устанавливаем романное соответствие его действий функции сказочного хозяина тридевятого царства, испытывающего героя и дающего ему трудные задачи. Один литературный персонаж в разных эпизодах сочетает в себе функции героя-антагониста и хозяина тридевятого царства, что усложняет его образ.

Христианско-церковные традиции в отношении церковных праздников во многом соответствуют народным традициям и призывают посвятить дни Адвента посту и молитве. Развлечения, иллюминации, карнавалы с их масками и танцы не приветствуются ни в коем случае. Однако Франц, с его устремлённостью к игре, не обращает внимания ни на народные, ни на христианские установления морали, что закономерно оборачивается бедой как для него самого, так и для всех главных участников событий. Начавшийся весело праздник прерывается известием, что невеста не появится. Жених впадает в отчаяние и пытается покончить с собой. Стены замка полнятся восклица-

ниями и пересудами. Гости в смятении начинают разъезжаться. Раненого Франца уносит из замка в неизвестном направлении цыган Ганаш, одетый в костюм Пьеро. Вскоре мать Франца и Ивонны умирает, а семья разоряется из-за долгов, наделанных Францем при попустительстве его отца. В итоге земля продана, замок снесён, а отец вместе с Ивонной переезжает жить в крошечный домик, оставшийся от некогда обширных владений де Гале. Потеря замка и земли семьёй де Гале является романном соответствием фабулы некоторых волшебных сказок, когда гибель хозяина тридевятого царства сопровождается разрушением самого царства. Попытка Франца покончить с собой и его бегство из дома являются романном соответствием гибели хозяина тридевятого царства волшебной сказки.

Всё дело в том, что принцип игры, распространяемый на все сферы деятельности, является определяющим правилом жизни Франца де Гале, взрослого молодого человека, остающегося в душе избалованным и эгоистичным ребёнком. После несостоявшейся помолвки и неудавшегося самоубийства он отправляется бродяжить вместе с цыганом Ганашем. Своему правилу игры Франц не только сознательно следует, он проповедует его, чётко формулируя своё кредо: «Я хотел умереть, и поскольку у меня не вышло, я буду жить только для развлечений, как ребёнок, как Цыган. Я всё бросил. У меня больше нет ни отца, ни сестры, ни дома, ни любви... Больше ничего, кроме товарищей по играм» [8, с. 128]. Он «стирает» своё прошлое, сменив родовое дворянское имя на прозвище Цыган. Франц живёт играючи, но он играет и судьбами других людей, прежде всего, судьбой своей сестры и любимшего её Мольна, поначалу мешая им встретиться, а после встречи и свадьбы Мольна и Ивонны, отвлекая молодожёна на поиски своей исчезнувшей невесты.

Ещё одним поэтическим приёмом создания в романе сказочной атмосферы иномирия в замке Саблоньер является уподобление происходящего там сонному видению. Главный герой засыпает по дороге в замок, поскольку находится в пути поздним вечером и ночью, точно так же, возвращаясь оттуда ночью, вновь засыпает и не запоминает дороги, ведущей к замку. Автор прямо указывает, что на празднике «всё устраивалось как во сне» [8, с. 90]. Единствен-

ная характеристика временных отрезков, используемая автором в описании событий праздника, – *un instant* («мгновение») – ведь во сне время течёт мгновенно и как бы останавливается. Автор создаёт атмосферу таинственности и странности происходящего при помощи соответствующей лексики: *mystérieux* – «таинственный»; *inconnu* – «неизвестный»; *étranger* – «чужой, чуждый»; *étrange* – «странный». Три главы романа, содержащие описание праздника, называются *La fête étrange* («Странный праздник»). Одновременно при помощи лексических средств создаётся ощущение нарастающей тревоги и неопределённости, сон как бы переходит в кошмар. Используются существительные: *tristesse* – «грусть, печаль»; *inquiétude* – «беспокойство»; *angoisse* – «тревога»; *désordre* – «беспорядок»; *fuite* – «бегство» и т. д.

Ощущение беспокойства также передаётся многочисленными упоминаниями автора о сбившемся ритме дыхания главного героя, которые встречаются только в сценах его пребывания в замке Саблоньер. На подходе Мольна к замку «ледяной ветер перехватывал ему дыхание» [8, с. 68]; «затаив дыхание» [8, с. 69], Мольн слушает разговор детей, идущих в замок; «задерживая дыхание» [8, с. 95], он наблюдает из-за приоткрытой двери за Францем де Гале и т. д. В описании ритма пути через ритм дыхания мы видим уподобление поэтических приёмов Алена-Фурнье романной поэтике Ф. М. Достоевского: «Дыхание героя Достоевского, по преимуществу, является дыханием ходьбы, бега, метаний. Ритм выстраивается по ощущению смятенного духа» [3, с. 395].

И, наконец, автор отмечает, что Мольн постоянно ощущает себя в этом сонном, условно, тридевятом царстве, «больше не школьником, сбежавшим в крестьянской тележке, но прекрасным романтическим созданием» [8, с. 86]. Деревенские жители, школьные учителя и товарищи сбежавшего Мольна с тревогой ожидали его появления долгих три дня. Для Мольна же это время промелькнуло очень быстро, поскольку в его восприятии оно складывалось, как сказано выше, из мгновений. Трёхдневное отсутствие, когда в школе его считали если ещё не умершим, то пропавшим без вести, мы полагаем, является романным соответствием сказочной функции героя-искателя «временная смерть».

В период поисков Ивонны Мольну часто снится сон о том, что он выбирает или узнаёт Ивонну из числа многих очень похожих на неё девушек. Однако в образе каждой из них присутствует лишь одна характерная черта образа его возлюбленной. Это либо глаза, либо фигура, либо шляпка. Очевидно, что в этих сонных видениях главный герой романа вновь возвращается в прошлое романного времени, во время встречи с Ивонной в замке Саблоньер. Ален-Фурнье возвращает героя-искателя в тридевятое царство, или, можно сказать и так, что тридевятое царство воскресает в памяти героя во время снов, словно преследуя его. Эти сонные видения являются романскими соответствиями сказочной функции «герою даются трудные задачи». В частности, сказочный герой-искатель в тридевятом царстве почти всегда должен узнать свою невесту из множества живых копий её облика. Мольн находит Ивонну благодаря помощи своего друга Франсуа Сёреля, романного соответствия сказочному персонажу «волшебный помощник», функцией которого является доставка героя-искателя к месту нахождения царевны-невесты. Франсуа привозит Мольна на праздник, где должна присутствовать Ивонна.

Романная фабула «Большого Мольна» принципиально отличается от фабулы волшебной сказки тем, что функции «свадебный пир» и «воцарение» героя-искателя не становятся финальными. Ален-Фурнье продолжает повествование после свадьбы Мольна и Ивонны, независимо от русского писателя-романтика Александра Грина, повторяя его опыт применения сказочной поэтики при создании романа, подробно исследованный Ивановым: «В романе “Бегущая по волнам” автор продолжает повествование о судьбе своих главных героев уже после того, как осталась позади последняя функция “свадебный пир”» [4, с. 42]. У Грина и Алена-Фурнье это не единственное фабульное отличие романа от волшебной сказки. Таково, например, присутствие образов иномирия в подсознании Мольна после гибели этого, романного, тридевятого царства.

Можно сделать вывод о том, что семи-персонажная схема жанра волшебной сказки нашла в произведении Алена-Фурнье полный ряд своих соответствий. Значительная часть функций персонажей волшебной

сказки также получила романские соответствия. Важной составляющей поэтики Алена-Фурнье стали композиционные соответствия начальной ситуации и атмосферы иномирия тридевятого царства сказки. Сказочная атмосфера и образы иномирия создаются с использованием поэтики сна и поэтики карнавализации персонажей. Уточним, что романские соответствия сказочных персонажей, их функций и композиционных элементов волшебной сказки предстают у Алена-Фурнье в превращённой форме – в соответствии с актом авторской воли, авторского сознания и видения.

Тема сложного поиска невесты и создания семьи соответствует теме большинства волшебных сказок, но это обстоятельство не превращает «Большого Мольна» в литературную сказку. Принципиальным отличием его поэтики становится глубокая разработка психологической мотивации персонажей, которой полностью лишена сказка. Творчески интерпретируя элементы поэтики волшебной сказки для создания романтического колорита иномирия, Ален-Фурнье остаётся в рамках авторского метода, близкого методу Достоевского – «реализму в высшем смысле».

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Духовное пространство текста // Учёные записки ЗабГУ. Сер. «Филология, история, востоковедение». 2014. № 2 (55). С. 6–11.
2. Дубинская М. В. Невеста ворона: пер. с фр., публ. // Открытый финал волшебной сказки и ведийский свадебный обряд *samikana* / В. В. Иванов, М. В. Дубинская // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы VI Междунар. науч. конф. / сост. Г. Д. Ахметова. Чита: ЗабГУ, 2013. С. 199–203.
3. Иванов В. В. Сакральный Достоевский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 520 с.
4. Иванов В. В. Восьмой персонаж волшебной сказки: монограф. эврист. учеб. пособие для магистров и бакалавров / худож. оформл., пер. с иностр. яз. и соавторство ст. в прил. М. В. Дубинской. Петрозаводск: Препринт, 2012. 260 с.: 28 ил.
5. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопр. лит. 1968. № 8. С. 74–87.
6. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М.: Наука, 1969. 168 с.
7. Французские народные сказки / пер. М. Е. Абкиной, Т. Ю. Хмельницкой. М.: Сов. писатель, 1991. 350 с.
8. Alain-Fournier. Le Grand Meaulnes. Edition du Progrès. Moscou, 1971. 280 p.
9. Lhote André, Alain-Fournier, Rivière Jacques. La peinture, le coeur et l'esprit. Correspondance inédite (1907–1924). Texte établi et présenté par Alain Rivière, Jean-Georges Morgenthaler et Françoise Garcia. Willam Blake and co. Edition et Musée des Beaux-Arts de Bordeaux. Bordeaux, 1986. 234 p.
10. Troyes Chrétien de. Perceval ou le Conte de Graal // Troyes Chrétien de. Euvres complètes / Introduction, Chronologie, Notes sur la présente édition par Danel Poirion. NRF, Gallimard. Paris, 1994. P. 683–911.

References

1. Akhmetova G. D. Dukhovnoe prostranstvo teksta // Uchenye zapiski ZabGU. Ser. «Filologiya, istoriya, vostokovedeniye». 2014. № 2 (55). S. 6–11.
2. Dubinskaya M. V. Nvesta vorona: per. s fr., publ. // Otkrytyi final volshebnoi skazki i vediiskii svadebnyi obryad samikana / V. V. Ivanov, M. V. Dubinskaya // Interpretatsiya teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. / sost. G. D. Akhmetova. Chita: ZabGU, 2013. S. 199–203.
3. Ivanov V. V. Sakral'nyi Dostoevskii. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2008. 520 s.
4. Ivanov V. V. Vos'moi personazh volshebnoi skazki: monograf. evrist. ucheb. posobie dlya magistrov i bakalavrov / khudozh. oforml., per. s inostr. yaz. i soavtorstvo st. v pril. M. V. Dubinskoi. Petrozavodsk: Preprint, 2012. 260 s.: 28 il.
5. Likhachev D. S. Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya // Vopr. lit. 1968. № 8. S. 74–87.
6. Propp V. Ya. Morfologiya skazki. 2-e izd. M.: Nauka, 1969. 168 s.
7. Frantsuzskie narodnye skazki / per. M. E. Abkinoi, T. Yu. Khmel'nitskoi. M.: Sov. pisatel', 1991. 350 s.
8. Alain-Fournier. Le Grand Meaulnes. Edition du Progrès. Moscou, 1971. 280 p.
9. Lhote André, Alain-Fournier, Rivière Jacques. La peinture, le coeur et l'esprit. Correspondance inédite (1907–1924). Texte établi et présenté par Alain Rivière, Jean-Georges Morgenthaler et Françoise Garcia. Willam Blake and co. Edition et Musée des Beaux-Arts de Bordeaux. Bordeaux, 1986. 234 p.
10. Troyes Chrétien de. Perceval ou le Conte de Graal // Troyes Chrétien de. Euvres complètes / Introduction, Chronologie, Notes sur la présente édition par Danel Poirion. NRF, Gallimard. Paris, 1994. P. 683–911.

Статья поступила в редакцию 01.10.2014